

Марианна Харди-Энгельсон

Воспоминания

2015

Наследие 1.

Шкатулки прошлого

Несколько лет назад мы с сестрой Эдит взялись рассортировать, классифицировать, заархивировать, перевести груды семейных документов, доставшихся нам в наследство от нашего отца Мойзе Энгельсона и его сестры Сюзанны, родившихся в начале XX века в Риге и умерших в конце века в Женеве. Что делать с этим наследством? Мы начали с того, что обратились к Музею искусства и истории иудаизма в Париже с просьбой поместить в его стенах первый экспонат: портрет нашего деда Якова, талмудиста, родившегося в 1854 году в России. Куратор принял наше предложение, но попросил нас написать несколько страниц, представляющих нашего предка в его историческом контексте. Однако мы очень мало знали о жизни и происхождении нашего деда. Я помню старика с белой бородой, в черном сюртуке, опирающегося на трость, который меня немного пугал, когда говорил со мной на языке, которого я совершенно не понимала. Мы очень мало знали о членах его семьи, оставшихся в СССР после революции. В 1950-х годах наш отец пытался их найти, но его поиски остались безрезультатными. Поэтому он считал, что ни один «Энгельсон из Риги» не пережил революций, войн, депортаций и истреблений. Примерно через пятьдесят лет в нашу жизнь вошли двоюродные братья нашего отца Виктор Шатц и Вадим Энгельсон. Когда Латвия восстановила свою независимость, они провели историко-генеалогические исследования наших общих предков. Они узнали в Интернете, что ветвь семьи Энгельсонов переехала в Швейцарию. Произошло это в 1912 г. Основываясь на их обширном документальном исследовании, мы, наконец, смогли выполнить задачу, которую мы постоянно откладывали: подробно проследить жизнь и судьбу нашего деда Якова Энгельсона и его семьи на более определенных основаниях, чем более или менее причудливые или приукрашенные истории, которые мы слышали в нашей юности.

Следующие страницы во многом заимствованы из сочинений Сюзанны Энгельсон (1), основанных на устной передаче, и Виктора Шатца (2), основанных на официальных документах, которые он собрал. Они также обогащены деталями, почерпнутыми из Интернета, архивами из различных коллекций (кантональные архивы Женевы, федеральные архивы Берна, архивы различных организаций) и унаследованным нами домашним архивом - вырезками из газет, письмами на русском, французском, немецком, идиш..., административные бумаги, документы, удостоверения личности... Все дополняется нашими собственными воспоминаниями. Есть воспоминания фрагментарные, - занимательными, но характерные о событиях и личностях. Другие - более общие, но абстрактные, искаженные или идеализированные. Если результат теряет в единстве, то выигрывает в правдивости: лирические полеты нашей тети Сюзанны уравниваются саркастическим тоном ее брата Мойзе, наши личные

воспоминания проясняются или опровергаются доказанными фактами, а исторические события воплощаются в судьбах.

2. Березина

Каковы бы ни были авторы и какие бы ни были версии, история Энгельсонов начинается на Березине. Именно там происходили события у истоков «легенды об имени», основополагающего мифа рода. Наш самый прославленный предок родился как Мовша Шапиро в Борисове, на территории нынешней Беларуси. В 1812 году Мовша попытался изменить ход истории при форсировании Березины французской армией. Повествование об этом событии со временем претерпело множество искажений.

Версия, переданная нашим отцом, была весьма личной: «один из моих предков по имени Шапиро был владельцем корчмы, находившейся на берегу Березины; его обычно находили совершенно пьяным лежащим под первым столом справа при входе. Он считал Наполеона освободителем и будучи его сторонником, он показал ему брод, по которому его армия могла бы переправиться через Березину. Наполеон сказал ему «ты настоящий сын ангела», откуда и фамилия Энгельсон».

Версия нашей тетки полнее и, вероятно, ближе к действительности: «Дед моего отца по отцовской линии, фамилия которого была тогда Шапиро, был предводителем еврейской общины небольшого городка в Белоруссии близ Березины. Он был там в ноябре 1812 года, во время отступления Наполеона из России. Окруженный со всех сторон войсками царя Александра I, Наполеон в сопровождении небольшого отряда верных ему солдат, в том числе немецкоязычного швейцарского полка, искал тайный путь отступления через который можно было бы добраться до Франции. Он подошел к главе еврейской общины (городскому голове) - Шапиро - через посредство «немецкоязычного переводчика». И Шапиро указал ему путь, по которому нужно следовать, чтобы избежать преследователей. Согласно традиции, в знак благодарности Наполеон предложил ему имя, звучащее по-немецки, так как Шапиро не говорил по-французски. Он назначил ему имя Энгельгардт, что означает «Твердость Ангела».

Впоследствии, поскольку это имя уже носил немец, проживающий в России, это имя было изменено на Энгельсон или Энгельсоон - Сын Ангела. Это событие получило широкую огласку, и глава еврейской общины городка предстал перед царем Александром I. Царь желал расспросить его самого о его поступке, считавшемся предательством по отношению к России. Он ответил, напомнив, что во время проникновения французской армии в Россию и на протяжении всего ее продвижения в этой стране (верный идеям Французской революции в стремлении к освобождению евреев, возведению их в ранг французских граждан предоставив им равные права) на русских территориях, через которые он проезжал, Наполеон провозгласил и в России равенство гражданских прав евреев с прочими российскими гражданами. Именно в этом качестве евреи России принесли присягу на верность Наполеону. Содействуя бегству государя от французов, он потому, - заявлял он, - только остался верен своей присяге Наполеону. Так было это до сих пор, ну а отныне он подчиняется царским законам Александра I. Сообщение об этих фактах упоминает, что император России

принял это объяснение и что Мовша, носивший отныне имя Энгельсон, смог вернуться домой с миром.

После этого особая привязанность сохранилась у потомков этой семьи, носителей нового имени как к Франции, так и к Швейцарии. Дело в том, что именно из Швейцарии пришёл на войну немецкоязычный полк и из-за этого стала знаменитой трогательная песня - «Chant de la Березина». Эта песня с ностальгией поется швейцарскими солдатами этого полка, поется на протяжении всего отступления, и выражает горячую надежду вернуться на родину, в конце долгого и трудного пути, и увидеть, как свет радости вновь восходит после долгих месяцев страдания. Это драматические воспоминания и связи, которые никогда не переставали оставаться пылкими и живыми, в сердцах и умах всех членов и потомков этого рода, где бы они ни были потом, - и в Европе, и в Америке (куда некоторые потомки уехали и жили впоследствии.)»

Среди документов, собранных Виктором Шатцем, мы находим официальные документы, удостоверяющие подлинность смены имени. Из этих документов, библиографических исследований, которые он проводил, и из наших собственных источников мы можем примерно реконструировать факты в контексте времени...

Беларусь, входившая в состав «Государства двух народов» (Польша-Литва) ("Республика" - М.Х.), оказалась под властью России после раздела этой страны между Пруссией, Австрией и Россией. Территории, аннексированные Екатериной II, присоединились к так называемой "черте оседлости", созданной для вытеснения евреев на запад империи. Русские относились к евреям гораздо строже, чем поляки. Кроме того, условия их жизни постепенно ухудшались. Как гражданин Польши, которая была разделена и стёрта с лица земли, наш предок, несомненно, как и многие его соотечественники, был враждебен русской оккупации; житель "черты оседлости" (3), он, как и многие его единоверцы, был благосклонен к наполеоновской оккупации, которая обещала принести справедливость и равенство для всех (если не братство). Известно, что Мовша Шапиро в сопровождении двух евреев из Борисова — Лейба Бененсона и Боруха Гумнера — участвовал в кампании дезинформации русской армии в пользу французов(4) . В знак признания Наполеон присвоил ему имя Энгельгардта. С другой стороны, с российской стороны он предстал перед судом и чудом избежал виселицы за измену. В свое оправдание он сказал, что, действуя на территории, оккупированной Наполеоном и подпадавшей под действие французских законов, он не предал свою страну (5) . Тридцать лет спустя русский генерал по имени Энгельгардт, узнав, что «предатель» обесчестил его престижное имя, просил царя чтобы семья ренегата сменила фамилию.. Что было сделано. Поэтому именно от Александра I, а не от Наполеона потомки Мовши Шапиро получили фамилию Энгельсонов. Внуки Мовши первыми родились под этим именем. Таким образом, мой дедушка принадлежал ко второму поколению, рождённых Энгельсонами.

3. Яков Энгельсон, наш дед Яков (Янкель на идише), правнук Мовши, родился в Борисове в декабре 1854 года, незадолго до восшествия Александра II на императорский престол. Он достиг «конца своей земной жизни» в Женеве в апреле 1948 года — в начале холодной войны между западным и восточным блоками. Он был вторым сыном в большой семье. Он покинул Россию примерно на полпути своей

долгой жизни и больше не вернулся. Условия для евреев в царской империи в XIX веке были едва ли лучше, чем в предыдущем веке. Сменив Николая I, Александр II, известный как «Освободитель», относительно благосклонный к евреям, попытался несколько улучшить их судьбу с помощью ряда либеральных реформ, затронувших и другие категории населения — крепостные были освобождены во время его правления в 1861 году. Но в 1881 году Александр II был убит террористом, и ему наследовал Александр III, его сын. Он ведет реакционную политику с ударами контрреформ. В 1882 г. правительство приняло ряд законов, запрещающих евреям селиться, строить или покупать дома, владеть или пользоваться землей вне городов и деревень в районе проживания. Следуют и другие законы, ограничивающие число евреев, принимаемых в учебные заведения и их изгоняют из крупных городов. Эти антиеврейские законы побуждают население всё чаще устраивать погромы по всей Империи вплоть до 1917 года, до времени правления Николая II. Царские правительства, рассматривая это как выражение народной поддержки своего режима, терпели их и даже поощряли. Эта ситуация создает условия для подталкивания евреев к оппозиции(6) . Яков активно участвует в борьбе; позже мы увидим, как и чего стоили ему его устремления. От отмены крепостного права до Второй мировой войны, от жизни в сонном еврейском местечке до создания Израиля, почти за столетие жизни и с раннего детства Яков пережил глубокие политические и социальные потрясения, не пощадившие и его частную жизнь. Фактически своим образом жизни и мышления он увековечил дух бунта, который был привит ему его предками и который он, в свою очередь, передал своим детям. Его увлечения вдохновлены глубоким мистицизмом, питаемым изучением Талмуда: от ешивы(7) к ешиве, от Вильно до Одессы, с ранней юности и на протяжении всей жизни большую часть времени он проводил в размышлениях, в медитации. Пропитанный учением рабби Хаима из Воложина, для которого «Человек своим собственным действием обеспечивает присутствие Бога в мире» (8), его жизнь направляется сознанием ответственности Человека в в пути по которому идёт Вселенная. Завещание, которое он написал родным незадолго до смерти, дает представление о его духовности: Едино воспоем Вселенскую Душу, Гармонию Сущности Жизни. Лучи сердца и разума соединят нас навеки (9) .

Конечно, медитация питает душу, но каком-то образом всё-таки надо зарабатывать себе на хлеб. Особенно, когда у тебя есть семья. В 1880-х годах у Якова были жена и двое детей. Будучи не силён в предпринимательстве, он объединил усилия со своим младшим братом Шмуэлем, чтобы создать табачный бизнес в Одессе; мы находим их через несколько лет в Даугавпилсе (в те годы Двинск)(10). Затем Шмуэль уезжает в Ригу, и Яков присоединяется к нему со своей семьей. По прибытии они живут в одном из пригородов, куда были выселены евреи. Вместе они создают табачный оптовый магазин. Двум братьям вскоре удастся заплатить достаточно налогов, им разрешают покинуть еврейский квартал и поселиться в центре Риги. Впоследствии Шмуэль купит там два роскошных здания на улице Барона (11). Несмотря на то, что он посвятил себя учебе, хотя и был богатым купцом, Яков активно поддерживал социальную борьбу своего времени. Он часто посещает революционные группы и оказывает финансовую помощь заключенным. Нередко наша бабушка Геня, возвращаясь из отпуска на берегу Балтийского моря, заставляла свои шкафы пустыми: исчезли шубы, сапоги и теплые вещи, в пользу уезжающих в Сибирь депортированных.

4. Геня Каминецкая, наша бабушка (12)

Мистицизм нашего деда обуславливал его и обязательствами, а также и союзами. Его первой женой была дочь талмудиста из Литвы. А Геня, его вторая жена, наша бабушка, была потомком основателя известной талмудической школы в Литве. Вот как она рассказывала про себя: «Мой божественный свет начинается с рабби Хаима из Воложина, основателя воложинской ешивы, и доходит до рабби Эли-Акивы Каминецкого из Лиды. Мой отец Меир был сыном рабби Эли-Акивы Каминецкого из Лиды! Рабби Хаим из Бирза (ныне - Биржай), у которого в Бирзе синагога имени его, где учится молодежь, был братом моего (...пропущенное слово...) раввин Вильно, реб Шмуэлхцер был зятем отца моего брата, Мейеле Каменецкого. (...) По материнской линии я происхожу от рабби Менделе из Лиравица и рабби Лейба из Кописи». Яков познакомился с Геней во время деловой поездки в небольшой городок Лида под Вильно. В гостях у друзей он встретил у них дома эту молодую женщину, красота и изящество которой произвели на него сильное впечатление. Он расспросил о ней своих друзей. Он узнал, что ее звали Геня Каминецкая и что она была потомком раввина Хаима из Воложина(13). Эта информация поразила Якова. Он вдруг увидел возможность исполнения заветного желания, сформулированного им в юности, в годы учебы в Воложине: удостоиться благодати жениться на потомке своего уважаемого Учителя.

Чтобы добиться согласия прекрасной Гени, которая была на тринадцать лет моложе его, он черпал вдохновение у философа Мозеса Мендельсона. Он вспомнил как Мозес уговорил Фромет Гугенхайм выйти за него замуж.

Вот что произнес Мозес когда встретился с красавицей Фромет: «Представляешь, каждый раз, перед тем как мальчику родиться на земле, Господь показывает ему его будущую жену. Вот и мне перед моим рождением Господь показал мою невесту и прибавил: «Она будет горбата». «О нет! — закричал я, — Как тяжело жить на свете горбатой женщине! Отдай этот горб мне. Пусть она будет красавицей!» Вот почему он был горбатым, а она нет.

Яков сказал, что, что касается его самого, он просил Господа взять на себя уродство, изначально предназначенное для той, кого он любил. После того, как красавицу убедили выйти замуж за красноречивого болтуна, брак был организован. Когда наступил день, Геня несколько часов ждала своего жениха. Увлеченный разговором с местным аптекарем о существовании Бога, Яков упустил время и опоздал на собственное бракосочетание.

Происходившая из рода известных раввинов, Геня, безусловно, получила образование в талмудической традиции. Об этом свидетельствуют письма, которые она писала своим близким. Однако она также унаследовала верования и суеверия от недавно освобожденных крепостных, которые частично воспитали ее, поскольку ее мать умерла, когда Геня была ребенком.

Итак, пока она была беременна нашим отцом (Мойзе), ее беспокоила крайняя суетливость ребенка. Она подумала, что, слишком долго глядела на льва во время посещения зверинца, и душа кошачья проникла в душу ребенка. Когда он родился, оказалось, что новорожденный был наполовину задушен пуповиной.

Вернёмся немного назад. От первого брака у Якова было двое детей - вероятно, родившихся в Борисове: Берта (1879-1962) - Бейла на идише - и Борис или Берка

(1881-1908). Оба пожертвуют свою жизнь и душу в борьбе за справедливость и достоинство. Берта оставит там свою свободу, а Борис свою жизнь.

От союза с Геней в Риге родилось трое детей: Мария (1895-1904), Сюзанна (1903-1998) и Мойзе(1907-1989), наш отец. Двадцать восемь лет отделяют младшего от старшего. При рождении последним родился дядя маленькой девочки (Мария Горячковская 1906-), которая старше его на год. Берта, Борис и Мария всю жизнь прожили в России. Сюзанна и Моисей покинули страну своих предков еще в детстве. В 1912 году они прибыли в Швейцарию, где и проживали постоянно.

5. Герои и ангелы

О Берте мы знали очень мало: эта тетя совершенно отсутствовала в семейной мифологии. Редкие случаи, когда Сюзанна говорила нам об этом, выражала сожаление по поводу приверженности этой сестры насильственному революционному пути; также из возмущения она упрекает их отца в том, что он дает своим младшим уютное и буржуазное воспитание. В наших семейных архивах мы не нашли ни одного письма от нее. Благодаря исследованиям Виктора Шаца мы узнали немного больше о Берте. По отрывочным сведениям, которые были нам предоставлены, мы попытались реконструировать загадку ее карьеры примерно между двадцатью и пятьдесят тремя годами, после чего мы полностью потеряли ее из виду. После работы в семейном бизнесе Берта работает учителем в Риге. Затем она уехала в Париж, где участвовала в выпуске анархистской газеты. Член революционной социалистической партии, она взяла Александра Васильевича Горячковского (1864-1931) в качестве второго мужа, «народовольца» (члена революционной группы «Народная воля»). В 1906 году в возрасте двадцати семи лет она родила в рижской тюрьме дочь Марию Горячковскую. Затем ее отправляют в Иркутск, в Сибирь – партбилет бывшего политзаключенного и ссыльного доказывает это. Затем она снова переехала в Париж. Когда Якоб вместе с семьей эмигрировал в Швейцарию, Берты в поездке не было, но она время от времени приезжала в Женеву, чтобы навестить отца. Именно в 1917 году в Берне Якоб встретил ее в последний раз. Вскоре после этого она уехала в СССР с дочерью (14 лет). Якоб, несмотря на многочисленные попытки, больше никогда о ней не услышит. Известно только, что впоследствии она работала стоматологом в Москве. Ее могила найдена: она похоронена рядом с мужем на Новодевичьем кладбище в Москве, «Пантеоне» СССР для «людей, создавших Советский Союз и новую Россию».

От Бориса Якобовича, мифического героя, мы помним знаки почтения, которые Сюзанна и Моисей выказывали этому образцовому брату. Сохранилась его фотография, несколько писем, адресованных его младшей сестре Сюзанне, отцу и товарищам по борьбе, а также редкие записи о нем: статья в «Искра», русской анархо-коммунистической газете, сообщающая о его казни; несколько строк упоминаний о нем в различных работах об анархистских движениях(15). Совсем недавно, благодаря работе российского историка Ильи Полонского, мы открыли неизвестные нам аспекты его жизни и его деятельности. Нас особенно тронуло воспроизведение письма, которое Борис адресовал своим товарищам, чтобы разъяснить им, как именно проходил его арест. Борис, анархист-коммунист, был одним из основателей издательства «Анархия» в Белостоке. Как и многие революционеры того времени, Борис подолгу останавливался в Швейцарии(16), Париже или Лондоне, где продолжал борьбу, чтобы

затем возобновить ее на родной земле. Несколько раз попадал в тюрьму за подрывную деятельность, в возрасте двадцати семи лет был казнен через повешение в Вильнюсе. Яков будет сопровождать его до последних минут, изо всех сил пытаясь смягчить его судьбу и попытаться добиться его оправдания. Книга Ильи Полонского подробно описывает Бориса в контексте того времени: «Как и многие его сверстники и другие жители района проживания, Борис Энгельсон был прав, ненавидя самодержавие. И, хотя семья Энгельсонов не была бедной, Борис ненавидел капиталистов и помещиков. В девятнадцать лет он увлекся революционными идеями и в 1902 г. уехал в Париж, где вступил в кружок русских эмигрантских анархистов. Благодаря его усилиям в период 1902-1903 гг. в Париже была создана «Библиотека» русских эмигрантов. В июне 1904 года Борис Энгельсон и его друг Лев Алешкер создали в Париже издательство «Анархия» с целью издания русской анархистской литературы и распространения ее в Российской империи. Здесь сотрудничали видные русские анархисты, жившие в то время в эмиграции. В июле 1904 года Борис Энгельсон присоединяется к редакции издававшейся в Женеве газеты и русский язык "Хлеб и воля". Он стал одним из самых ярких деятелей анархистской русской эмиграции. Но жизнь за границей далека от российских реалий и совершенно вне той ожесточенной борьбы, которая там происходит. Энгельсон стремится совмещать роль организатора и пропагандиста с ролью простого солдата революции: он не хочет убегать от реальности, в том числе участвовать в вооруженных действиях. В мае 1905 года Борис вернулся в Белосток, текстильный городок, расположенный на польско-белорусской границе, ставший в те годы одним из центров анархистского движения в Российской империи. Белостокские анархисты были близки к бедным еврейским рабочим, работавшим в промышленности и ремеслах; они имели репутацию самых смелых борцов и самых убежденных агитаторов. Так, приехав из-за границы, Борис Энгельсон в этой благодатной среде продолжал свою деятельность как активный революционер. Он налаживает связи между группами единомышленников из Риги, Минска и Гродно, устанавливает у себя на квартире нелегальную типографию. Месяца через три (20 сентября 1905 г.) Бориса арестовали. Но 16 февраля 1906 года он бежал из под ареста в Белостоке. Покинув Белосток, он провел некоторое время в Риге, участвуя в еврейских и латышских анархистских группах. Затем он эмигрировал и жил в Женеве, Лондоне и Париже. В январе 1907 г. Борис нелегально прибывает в Минск; он создал там лабораторию по изготовлению бомб и подпольную типографию. После чего он может снова уехать за границу, где продолжает оставаться важным организатором анархистских групп; его квартира была постоянно открыта для приема революционеров. В России полиция продолжает его поиски. Несмотря на риски, Борис в сентябре 1907 года снова вернулся в Белосток, где готовился к приезду группы анархистов из-за границы. В конце ноября 1907 г., когда Энгельсон находился в Минске, полиция опознала его на улице с другими товарищами. Борис оказывает вооруженное сопротивление и пытается бежать, но раненого и жестоко избитого доставляют в отделение полиции. Ранение было настолько тяжелым, что Энгельсона отправили в минскую тюремную больницу; выздоровев, он был отправлен в Виленскую тюрьму. Сам Борис, его друзья и родственники рассчитывали на то, что суд ограничит наказание лишением свободы. Но военный суд Виленского уезда приговаривает Бориса Энгельсона к смертной казни. В письмах к отцу Борис рассказывает о том, что он чувствует накануне суда, а затем и казни, стараясь принести ему какое-то утешение в эти дни глубокой скорби. В письме, адресованном товарищам, Борис разъясняет обстоятельства своего ареста и сообщает подробности своего заточения; он также

вспоминает там, в связи с одной из ранее прочитанных книг — «Жизнь Иисуса» Эрнеста Ренана, — как он стал активистом. «Когда я увидел эту книгу, у меня нахлынули хорошие воспоминания. Это книга, которую я впервые прочитал на французском языке; это первая книга, которую я прочитал, когда впервые приехал 5 лет назад — в Париж, где жизнь нашей новой эры началась, где из простого наблюдателя жизни я стал борцом; ведь именно здесь закончились, наконец, в таком виде. Да, столько воспоминаний! И именно Париж я так люблю, больше любого другого города в мире. Когда я часто приезжал туда, когда выходил с вокзала и начинал ходить по улицам и бульварам города, все для меня сияло, как солнце, каждый каменный мост, каждая улица были мне дороги, и с трепетной душой я прислушивался к разговорам вокруг меня... Почему этот город так мил и так дорог мне, мне было бы очень трудно ответить. Конечно, стало меньше полицейских и меньше собак из Константинополя(17), которых я так ненавижу, что не могу смотреть на них равнодушно; это не потому, что бедность там не ужасает; и не из-за рабочего движения, смысла которого я не вполне понял... Но город и улицы мне понравились. И я бы все отдал, чтобы увидеть его снова. Я хотел бы хотя бы снова увидеть его во сне...» По этим последним сообщениям мы угадываем идеалистического, нежного и чувствительного человека.

Наш отец, родившийся всего за несколько недель до казни, дал имя Борис нашему младшему брату. С ранних лет Борис-младший был призван принять факел своего легендарного дяди, столь щедрого и героического. Дороги, чтобы вести свою жизнь мятежника так, как он считал нужным, не следуя заранее проложенным следам.

Старшую дочь Гени, второй жены Якоба, звали Мария. В семейной мифологии ребенок, который умер в девять лет от скарлатины «воплотил этот живой синтез, в мудрости сердца и ума, которая была красотой и глубоким благом, для которого все страдания других были его собственным страданием, невыносимым, непостижимым, недопустимым, и которая закончила жизненный путь, отнятая от своей любви». Безутешная Геня говорит о ней в таких выражениях в письме, адресованном другу: "Я мать старшей дочери моей Марии; все умнейшие люди называли ее божественным солнцем! великим божественным светом; у нее был старший брат, который был очень умным; он сказал отцу и старшей сестре, что он личность! Он был моим первым ребенком, в отличие от других; его отца и его сестру; и когда моя дорогая Мария покинула этот мир, он сказал, что с величайшей радостью пожертвовал бы своей жизнью,— и не только ее,— ради ее собственной жизни; Мария была великой звездой, великим светом. "

У нас сохранились фотографии Марии, одна из которых огромная в полный рост, почти в натуральную величину, которая занимала стену в гостиной наших бабушки и дедушки, когда мы были детьми. Во время наших воскресных визитов, которые пахли голландскими конфетами, я сидела напротив нее на маленьком стульчике, и меня завораживала раскрашенная фотография этой незнакомки. Именно от нее пришло ко мне первое имя Марианна, которое, по словам нашего отца, должно было побудить меня равняться на этот образец добродетели, размахивая республиканским знаменем, провозглашающим Свободу, Равенство и Братство во всем мире. Но разочарование было велико: мне, как и моему брату Борису, не удалось воплотить дух

справедливости и самоотверженности, к которому мое имя должно было предопределить меня.

6. От Великой к Маленькой России

После драматических событий, постигших их семью, Яков и Геня решают покинуть Россию. Эта ссылка спасет их от возможной депортации в Сибирь, жертвами которой впоследствии стали несколько членов семьи, или от неминуемого истребления в Риге в 1942 году. Наш отец утверждал, что решение о выезде было принято под давлением Шмуэля, который хотел любил держать своего слишком щедрого партнера на расстоянии: бизнесмен не оценил, что талмудист окунулся в казну совместного предприятия, чтобы облегчить бедствия и страдания мира. Жестокие бунты и еврейские погромы, следовавшие один за другим с 1903 по 1908 год в России, также могут объяснить решение все оставить.

Вслед за революционной агитацией, вызвавшей во многих городах империи новые антисемитские всплески, националистическое пробуждение евреев подтолкнуло их к эмиграции в Палестину, «страну молока и меда» (18). Поэтому в 1910 году Яков уехал со своей семьей в Палестину. Сюзанне тогда было семь лет, а Мойзе три. Они поселились в Тель-Авиве, маленьком еврейском городке, созданном в прошлом году недалеко от Яффо. Это было время большой напряженности и серьезных инцидентов, исключение арабов из еврейской экономики усилило их враждебность по отношению к пришельцам.

В Тель-Авиве дети учатся в школе, и всё обучение происходит на иврите; в первые дни Моисей бежал через окно, напуганный мыслью о том, что ему придется читать знаки, которых он не знал. Из своей жизни в Палестине между тремя и пятью годами наш отец сохранит страх перед собаками, курами и бросанием в него камней, Там Мойзе научился издавать языком дребезжащий звук, используемый погонщиками ослов, чтобы подбодрить своих животных. Что касается Сюзанны, то она получит знакомство с ивритом, а также счастливые и солнечные воспоминания. Гене, с другой стороны, не понравился ни социальный климат, ни метеорологический климат.

Она решает поселиться в Швейцарии, в то время стране, принимающей иностранцев с широко открытыми границами. Она приехала в Женеву с двумя детьми в начале 1911 года. Семья заняла прекрасную квартиру на улице Бергалон, 8, в районе, который местные жители называют «Маленькой Россией» (19). Яков присоединился к ним в 1914 году. Перед этим ему было совершенно необходимо поехать и изучить некоторые священные тексты в талмудических центрах Египта и Турции. В первые годы эмиграции семья жила в достатке благодаря ренте, регулярно выплачиваемой оставшимся в Риге Шмуэлем. В «семейных бюллетенях» города Женевы, которые иностранцы должны заполнять каждый раз, когда они меняют место жительства, Яков объявляет себя властям города «без профессии» до 1917 года. В том же году источники дохода иссякли, семья постепенно впадает в полную нищету. Помимо материальных забот, есть заботы и за тех, кто остался в России и в частности за Берту и ее дочь Марию. А как в шестьдесят с лишним лет зарабатывать на жизнь в стране, на языке которой ты не говоришь и культурных кодов которой не понимаешь? С этого

года Якоб выполняет двойную профессию «коммерсанта и писателя». Он путешествует по немецкоязычной Швейцарии, чтобы продавать табак, шоколад и чайные смеси собственного производства, обсуждая Талмуд со своими редкими покупателями. Почти каждый день он отправляет денежный перевод на несколько франков своей жене, которой не всегда удается обеспечить семью. Однако она продолжает покупать сельдь у самого роскошного бакалейщика в городе, к большому неудовольствию Мойзе, который еще до того, как ему исполнилось десять лет, начинает ощущать на себе ответственность за роль главы семьи. Несмотря на помощь, выплачиваемую Благотворительной конторой еврейской общины, арендная плата часто оставалась невыплаченной, что вынуждало Энгельсонов часто менять адрес (20).

Ситуация только несколько улучшится, когда Мойзе, ставший врачом, обеспечит - насколько он может - потребности своих родителей и своей сестры Сюзанны, которая, живя с ними, намеревается воспользоваться неожиданной удачей.

Но вот никакой благодарности от семьи Мойзе не получит. Всю жизнь Моисей будет терпеть упреки и притеснения матери. Всю свою жизнь Геня жаловалась на сына - в нашем наследстве осталось более сотни рукописных страниц на эту тему -: "Моисей всегда говорил мне, прежде чем он решил жениться: "Ты, мама, так много работала для меня, сделала так много для меня, что невозможно вернуть тебе все, что ты нам дала»; теперь, с тех пор как он женился, он однажды сказал мне совсем другое: «Ты сделала для меня, что могла, в пределах ваших возможностей, и я тоже поступаю по своим возможностям»; я впервые услышала от Моисея эти новые слова, к которым я не привыкла! Я никогда не делала «по своим возможностям» , напротив, все, что я делала, было ценой жесточайших боев! Когда я целый месяц выплачивала иждивение Моисею и Сюзанне в Цюрихберге по 16 франков в день, а сама лишала себя всего - не было "по моим возможностям"... и когда ты, Мойзе , ты Я был в Цюрихе, я хотел, чтобы вы добились успехов, я работала на вас, я платила вам иждивение в Ригиблике, 8 франков в день! Это тоже было не «в соответствии с моими возможностями»... Я хотела развить то, что вы носите в себе, этот богатый разум, которым я была одарена и восходит к моим предкам, и именно поэтому я так упорно боролась. Я не хотела, чтобы ты бездарно потерял это изысканное вещество, которое ты носишь внутри себя! Но, увы, после всех моих борений, всех хлопот, которые я себе устроила, у меня было очень мало успеха! Я очень разочарована, когда вы говорите, что не можете любить свою мать, потому что у нее недостаточно культуры; впрочем, это ложное суждение в отношении меня, и люди более крупные и выше вас находят обратное... но вы, после стольких наставлений, еще менее образованы, чем я. Я не была так счастлива, как ты, что у меня такая преданная мать! Которая учит меня так много и кто так много борется за мое существование и за мое образование [...]».

Эти жалобы и эти оскорбления показывают, что наш отец, должно быть, страдал на протяжении всей своей жизни. Они также показывают, какую гордость наша бабушка черпала из ее принадлежности к уважаемой линии раввинов и талмудистов и обязательства, которые, по ее мнению, вытекали из этого. Это осознание духовной ценности семьи поддерживало Геню в невзгодах. Вот какой была цена жертв, принесенных всей семьей.

II. Преемственность

В детстве Сюзанна и Мойзе были погружены в талмудическую, толстовскую и революционную атмосферу, уходящую корнями в русский девятнадцатый век. Убаюканные семейной сагой, наполненной героями, ангелами и мудрецами, они столкнулись с суровостью жизни, страдали от разногласий с родителями, своих разочарований, и разочарований окружающих. Их жизнь была построена на стремлении к своим идеалам и борьбе со своими импульсами. Даже если их жизненный выбор очень быстро разойдется, Сюзанна и Мойзе будут проникнуты идеей, что «жизнь человека имеет только одну цель: отделиться от земного и достичь небесного» (21). Оба попытаются это сделать, проявляя большое презрение к тем, кто проявляет себя «материалистами», но сами испытывают большие трудности в том, чтобы жить чистыми душами. Сюзанна будет следовать этой линии, прося других обеспечить ее, чтобы она могла посвятить себя возвышению своей души. Моисей, работал день и ночь и сокращал свои потребности и потребности своей семьи. Таким образом ему удастся финансировать грандиозные проекты, направленные на улучшение духовно-нравственного состояния мира.

1. Сюзанна: делай что хочешь

Родилась 12 декабря 1903 года в Риге, умерла наша тетя в 1997 году в Женеве, холостая и без потомства. Она жила до самой их смерти со своими родителями, которых обожала. Между молодой женщиной и ее отцом существовала большая духовная близость. Он учил ее Талмуду, она переводила его сочинения. Юная девушка унаследовала от отца ненасытную любовь к учебе. Она была больна булимией (расстройство переедания). Она проходит университетский курс философии, письма, экономики и социальных наук в Цюрихе, где она также принимает участие в Камерном оркестре университета, а затем в Женеве, где она также сдает сертификат по психологии и педагогике в Институте Жан-Жака Руссо. В сорок три года она снова поступила в университет, чтобы получить диплом парламентского переводчика русского и немецкого языков. Сюзанна очень рано обратилась к журналистике; еще будучи студенткой, она начала сотрудничать с несколькими газетами. В течение нескольких лет она подолгу останавливалась во Франции и Германии с перерывами в Женеве. Осенью 1925 года она на шесть месяцев переехала в Ниццу, где работала в *Pages nouvelles*, «Литературном, художественном, социальном и критическом обзоре», одновременно зарабатывая на жизнь воспитателем в детском саду. С 1928 года она писала статьи, в основном для литературных и культурных отделов, в различных французских и швейцарских газетах. Выполняла она и переводческую работу – например, для советской делегации на Международной экономической конференции, проходившей в Лиге Наций в 1928 году. Такая работа вызывала подозрения у швейцарских властей, хотя родственники утверждали, что она не имеет ничего общего с советской Россией. В 1929-30 годах она была в Берлине, где прошла несколько курсов в университете. Она пишет статьи и дает интервью, в том числе об Эйнштейне, которого она ненавидела. В 1931 году она провела несколько месяцев в Асконе, в италоязычной Швейцарии, по личной работе, а в 1932-33 годах переехала в Париж. Начав еще студенткой, деятельность журналиста она завершила преподаванием и переводом: давала частные уроки русского, французского, немецкого или философии, переводила литературные произведения — «Пистолет» Пушкина,

рассказы Джека Лондона, Русские сказки для детей... -. Параллельно она пишет эссе и пробует себя в литературе. С 1940-х годов Сюзанна навсегда вернулась в Женеву и работала в швейцарской профсоюзной газете *Services Publics*; в ней есть две регулярные колонки - одна о международной политике, а другая о культуре и литературе. Это занятие доставляет ей удовольствие. Для этого периодического издания она стала журналистом, аккредитованным при ООН, за заседаниями которой следила несколько раз в неделю на протяжении всей своей жизни, пока не стала дуайеном и наставником своих коллег. В 1954 году она создала свой собственный обзор *Rencontre Orient-Occident*, за написание которого она отвечала одна. Под заголовком «Фрагменты учения» она публикует в этом журнале серию статей своего отца, перевод которых она подготовила. Поэтому Сюзанна озабочена тем, чтобы заработать себе на хлеб, но соглашается делать это только теми предметами, которые ее увлекают, на подходящих ей условиях и в течение ограниченного времени. Для Сюзанны это само собой разумеется: в еврейских семьях, пояснила она, принято, чтобы жена поддерживала мужа, чтобы он мог посвятить себя учебе. Почему это правило не применяется между братом и сестрой? Конечно, эта обязанность могла лечь на мужа. Но у Сюзанны их не будет. Она мечтала о человеке, для которого профессиональная жизнь или политическая деятельность не перевешивали бы медитацию, которая одна может возвысить душу. Человек, похожий на своего отца. Она также мечтала о материнстве, которое напоминало бы картину Богородицы с младенцем, чистый дух, чистая любовь, без криков, голода, сна и экскрементов. Она осталась одинокой. И свободна в выборе. Несмотря ни на что, она оставалась верной себе. Даже когда семья находится в полной нищете, Сюзанна категорически отказывается тратить время на перевод за денежное вознаграждение, который ее не интересует. Об этом позаботится ее брат, в то время студент-медик, и это будет одна из многих вещей, которые он никогда ему не простит. Точно так же в 1942 году она решает оставить должность преподавателя в языковой школе, так как эта работа оказалась для нее неподъемной. Неважно, трудные ли времена, неважно, переутомлен ли ее брат: финансовые потребности он обеспечит.

Анекдот характеризует отношение Сюзанны к действительности: во время войны Мендес-Франс (Пьер Мендес-Франс, французский премьер министр после войны) , проезжая через Женеву под вымышленным именем, связался с ней, чтобы овладеть зачатками немецкого языка; возмущенная идеей ограничить свое преподавание утилитарным аспектом, Сюзанна настояла на том, чтобы познакомить своего нового ученика, несмотря на его протесты, с красотами языка Гёте и Шиллера. Эта «анти-материалистическая» позиция подтверждается «контрольным опросом», проведенным в отношении Сюзанны городскими властями Женевы после одного из ее заявлений о натурализации (22): «заявительница, несмотря на свои многочисленные профессиональные качества, имеет относительно скромный доход. Это связано с тем, что она предпочла бы нерегулярную работу в различных газетах, чем иметь стабильную работу с регулярным графиком». Моисей скажет о своей сестре, что только когда ей исполнилось шестьдесят, она позаботилась о том, чтобы удовлетворять — правда, частично — свои нужды. Лишь в преклонном возрасте она будет давать у себя дома уроки по просьбе учеников. Она подружится с некоторыми из своих учеников — уборщицей, едва окончившей начальную школу, физиком, работающим в ЦЕРНе, двуязычной секретаршей... Иногда, если нужно, она не стесняется попросить их немного помочь, чтобы закончить месяц... С отвращением

отказываясь от помощи социальных служб города, на которые она имеет право, Сюзанна предпочитает обращаться к покровительству тех, кто ее любит, балует и ценит. Она также настаивает из гордости на уплате налогов. Поэтому она декларирует в налоговых органах больше, чем зарабатывает. До конца она будет жить проектами, мечтами и непоколебимой дружбой. Но мы, ее племянники, под влиянием отношения и суждения нашего отца по отношению к ней, всегда считали ее инфантильной, эгоистичной и взбалмошной старухой. Надо сказать, что вот такой был у нее характер. Мы до сих пор помним образ нашей тетушки, сидящей прямо в комнатке скромного медицинского кабинета Моиза, мудро положив руки на сумочку, и ожидающей, между двумя пациентами, “спонсора”, который придет и отдаст ей сумму денег, которую он выдавал ей каждую неделю. Нам особенно запомнился день, когда она показала нам свое умение имитировать крик павлина прямо рядом с переполненным залом ожидания. Этот образ довольно плохо вписывается в отчеты о расследованиях, проведенных в 1947 г. после нового заявления о натурализации: «Очень способная и трудолюбивая, она продолжает совершенствовать свои знания»... «Кандидат пользуется отличной репутацией, она очень умна». человек, чрезвычайно одаренный в учебе, она знает французский, немецкий, английский и русский языки" ... "ее политические идеи в настоящее время ориентированы на профсоюзы и федерализм. Она также является сторонницей эмансипации женщин. Она идеалистка, которая увлечена и предана всем делам, которые ей кажутся справедливыми». Если мы действительно мало знали нашу тетю, то только потому, что она очень мало рассказывала нам о себе, о своих воспоминаниях, о своей жизни, о своих друзьях; Правда, она часто упоминала о своих родителях (маленький папа, маленькая мама), не рассказывая, однако, о них много. И мы, конечно, и не подумали ее допрашивать. С другой стороны, она охотно разделяла его художественные и литературные вкусы. Я особенно обязана ей тем, что читал Обломова и мемуары Берлиоза, чьи сентиментальные приключения очень ее забавляли. Я также обязан ей за то, что она научил меня азам русского языка, что позволило мне много раз обменяться мнениями во время поездки в СССР, которую я совершила в 1964 году, во времена Хрущева. С паролями того времени “миру мир” (мир во всем мире) и “ничего” (“ничего”, неважно). Что касается “миру мир”, - мы больше не верим в него; а “ничего” всегда помогает выжить. Сорок лет спустя я с сожалением узнала, что во время этой поездки я могла встретить Марию Горячковскую, племянницу моего отца, жившую тогда в Москве с сыном. Но что сделано то сделано. Слишком поздно. В главе «Корреспонденты и переписка» мы подробно вернемся к интеллектуальной, профессиональной и аффективной жизни Сюзанны в период от ее учебы до конца 1930-х годов

2. Мойзе: исполни свое предназначение

Мойзе родился 20 декабря 1907 г. в Риге; он умер в Женеве 29 августа 1988 года. Очень молодым, учитывая, что его родители вели себя как дети, он взял на себя роль главы семьи. Он, конечно, представляет себе степень искоренения и унижения, от которых пострадали Геня и Якоб. Более того, он считает свою сестру эгоистичным, инфантильным и безответственным человеком; позже он упрекнет ее в том, что она эксплуатировала его при жизни. Как и многие дети иммигрантов, попавшие в трудные жизненные условия, Мойзе в 15 лет уже мужчина. Подростком он часто посещал творческие кружки и группы левых активистов, опубликовал несколько статей в журнале Лейбористской партии. Поступив в колледж по техническому направлению,

Мойзе учится посредственно. Он достиг зрелости точности благодаря снисходительности своих учителей. Без сомнения, они обнаружили способности и знания в этом нетипичном абитуриенте, который на вопрос экзаменатора «что такое кислота?» отвечает не разбирая "это то, что мы кладем в салат". После этого он станет блестящим учеником. Он успешно сдает дополнительный экзамен по латыни, открывающий двери на медицинский факультет. Надо сказать, что при малейшей оплошности он рискует лишиться стипендии, которую ему предоставили социальные службы еврейской общины. У него нет денег, его отношения с женщинами кажутся весьма сложными, он задается вопросом о смысле своей жизни. Он работает не покладая рук. Желая совершенствоваться и открываться новым идеям, он провел семестр на медицинском факультете в Париже в качестве бесплатного студента, а другой на факультете в Вене, где узнал о психиатрии. Он закончил обучение в возрасте двадцати четырех лет. 1931. Это год его встречи с подругой Сюзанны, Марсель, воинствующей учительницей движения Френе (возможно, Селестен Френе 1896-1966 - французский педагог); она живет в Марселе, где часто посещает анархистские кружки. Она хочет иметь ребенка от Мойзе. Иван родился в следующем году. Марсель воспитывает его одна, в Марселе, оставаясь при этом очень привязанной к семье Энгельсонов, которую она регулярно навещает. Пока война не прервала контакты на пять лет. После получения диплома Мойзе практиковал медицину в различных местах и учреждениях: Женевская больница, женевский народный санаторий Монтаны, Сен-Серг, патологический институт Женевы, психиатрическая лечебница Сери, больница Ольтен. Он мечтал стать хирургом, но двери больницы были для него закрыты. Почему этот запрет? Представлял бы он опасность для безопасности Швейцарии? Полицейские расследования, начатые после заявлений о предоставлении вида на жительство или натурализации, дают нам информацию о «заявителе», а также о критериях, по которым его судят следователи: «Хотя он был воспитан и до сих пор находится в подозрительной среде в отношении идей, у нас нет данных, что вышеназванный был сторонником советской власти. Меня уверяют, что он поглощен учебой и политикой не занимается». «Он умный, способный, культурный человек, но сохранивший славянский менталитет, поэтому не ассимилированный». «Директор сумасшедшего дома Цери сообщает нам, что кандидат был прекрасным помощником, что он станет очень хорошим врачом, но в некоторых деталях, касающихся отношений между людьми разного пола, имеет «русские» представления, на его взгляд очень широкие; но директор знает ничего плохого о его личной жизни». «Кажется, он с энтузиазмом относится к определенному российскому опыту. Интернационалистский менталитет. Будучи русским, он воздерживается от воинственной политики, но его можно считать коммунистом».

(*) Что было логично он обратился к психиатрии и защитил диссертацию по шизофрении, которая принесла ему премию. Но он отказался от этого пути, считая методы того времени ближе к принуждению, чем к добровольному лечению. В 1935 году он открыл в Женеве практику общей медицины и травматологии - специальность, которая приблизила его к хирургии и которую Государственный совет разрешил ему практиковать. Затем это становится своего рода постоянным занятием: к нему приходят вызовы в в чрезвычайных ситуациях днем и ночью, в будние дни и в воскресенье, как правило, при бытовых или дорожно-транспортных происшествиях. Наши редкие воскресные семейные прогулки часто чередовались с остановками на солнышке, а Мойзе, вооружившись своим снаряжением, вмешивался в дела жертв

дорожно-транспортных происшествий. Или воскресным утром он брал меня и моего брата, чтобы составить ему компанию во время обхода его пациентов на дому. Мы ждали его в машине, припаркованной где-то, под предлогом, что это ненадолго. Эти утра часто заканчивались посещением кладбища Верье, где похоронены его родители.

Если Мойзе так усердно работает, то это, безусловно, потому, что ему нравится превосходить самого себя и испытывать головокружение в действии. А также в том, что он должен зарабатывать на хлеб двух семей – своих родителей и той семьи, которую он основал в возрасте тридцати одного года. Не говоря уже о нескольких «подарках», которые он посылает, когда может, Ивану. Не говоря уже о нищих, которые стучат в его дверь, нуждающихся друзьях, которым нужно помочь, подругах, которых нужно баловать, и делах, которые нужно поддерживать. В 1938 году Мойзе в порыве страсти женился на Фриде Финкельштейн, дочери промышленника. Она живет в Париже с родителями. После того, как Фрида сдала экзамен на юриста, она работала эпизодически. В основном она проводила время, путешествуя по Франции с членами семьи или друзьями. Несмотря на беззаботную жизнь на материальном уровне и богатую дружбой, молодая женщина очень подавлена. Мойзе думает спасти ее по-своему. Когда мы были детьми, он рассказал нам о нашей матери, что, подобно легендарному принцу, его заманил черный лебедь, воплощение зла, и что ему не удалось превратить его в белого лебедя - образ самопожертвования и отречения...

Несмотря на возникающие трудности, Эдит родилась в 1939 году, всего за несколько месяцев до объявления войны. Разочарование Мойзе: это девочка. Потребовался бы мальчик, увековечивающий имя. Второе разочарование наступит в 44-м, через год после победы под Сталинградом: решительно его жена способна иметь только дочерей! Нужно будет дождаться Освобождения, чтобы пришла "победа" - и тогда родится мальчик. При рождении Борис Энгельсон, которому суждено увековечить имя знаменитого дяди, также призван показать себя достойным того, чье имя он носит. Во время войны Мойзе и Фрида прекращают споры, -- слишком заняты приемом и помощью беженцам, сбором средств, получением убежища от членов семьи и друзей, участием в кооперативном движении, которое организует конференции, запускает различные инициативы. Прежде всего, Мойзе заботится неустанно - редко менее восемнадцати часов в день - о беженцах, бойцах сопротивления и агентах антинацистской разведки. В 1947 году он получит от французского правительства звание офицера Ордена общественного здравоохранения «за бесплатное лечение многих французских беженцев и многих раненых подпольщиков и всех французских военнопленных в Женеве по их возвращении». Награжденная ему голубая лента навсегда отправлена в ящик стола. В кантональных и федеральных архивах нет и следа этого обязательства. Нет следов ни одного из двух драматических эпизодов, травмировавших его и о которых он часто нам рассказывал.

Во время войны Швейцария служила центром шпионажа и контрразведки воюющих сторон. Мойзе, будучи врачом скорой помощи и полиглотом, имел возможность лечить большое количество агентов, в том числе человека по имени Гийом, из французской контрразведки. Первая встреча: доктора Энгельсона срочно вызывают к Гийому. Склонившись над лежащим больным, он ударяет ногой по спрятанному под кроватью оружию. На его вопросы Гийом небрежно заявляет, что это охотничье оружие. Между двумя мужчинами завязываются дружеские отношения. Однажды Гийом в спешке

приходит к Энгельсону, чтобы попросить его срочно доставить ему большое количество цианида. Несмотря на панику, Мойзе подчиняется... Он идет к своему обычному фармацевту, который спрашивает его о деталях заказа. Не беспокоясь о правдоподобии, Мойзе отвечает, что это предназначено для крыс, которые вторгаются в его подвал. У двух мужчин доверительные отношения, Мойзе получает то, о чем он просит, с комментарием: «похоже у вас крыс должно быть очень много». Через два дня после доставки товара Гийому Мойзе узнает, что во время банкета между нацистами в соседней Франции около двадцати из них умерли от отравления. После войны из-за своей политической ориентации и своих связей - он лечил многих русских, всех категорий, Мойзе был заподозрен швейцарскими властями в шпионаже в пользу СССР. Ему грозит тюрьма. Глава женевской полиции, масон, ручается за его невиновность. Суда избегают, дело закрыто.

Во время войны Мойзе вступил в масонскую ложу «Альпина», ориентация которой «уважает все искренние убеждения и отвергает любое противодействие свободе мысли». Он не найдет в своих братьях той духовности, которую там искал, но с некоторыми из них заведет неизменную дружбу. Для него Братство ложи имеет два аспекта: есть Братство «всеобщее и имманентное Богу» и то, что выковано «для доброй борьбы, нашей принадлежностью к армии Добра, которую мы определяем, мне нравится верить в это, распространять и решительно защищать, до предела наших материальных и духовных возможностей, до решающей победы, начала новой цивилизации, начала эффективного царствования Бога на Земле». Он говорит, что уверен в грядущих достижениях, потому что масонская работа сочетает в себе «бескорыстный дух, честность и цельную искренность, а также практический смысл в сочетании с материальными возможностями». Это соединение, которое предвещает успех, любое достижение должно быть сначала подготовлено духовно, «потому что не более чем творение, идея не может жить без души».

3. Проекты и планы

Как человек действия, Мойзе хочет помочь построить лучший мир. Между двумя приемами пациентов он бросается к своей пишущей машинке, чтобы изложить свое видение судьбы человека или условий, которые, по его мнению, могли гарантировать взаимопонимание между народами. С 1937 года он разрабатывал и производил планы, проекты, предложения в ответ на скандалы и ужасы, которые его возмущали и приводили к негодованию. На политические события он реагирует статьями в прессе, заметками с изложением своих проектов, а иногда и личными письмами. На тему «массового уничтожения богатства перед лицом окружающих страданий» он предлагает Чарли Чаплину сценарий фильма. Столкнувшись с обычными и экстраординарными зверствами и несправедливостями, совершаемыми «слугами капитализма», он предлагает левой парижской газете создать постоянную рубрику «J'accuse» («я обвиняю»), которая была бы своеобразным обвинительным актом. В разгар войны он предложил городу Женеве организовать большой фестиваль на тему «Мир, справедливость и свобода». В 44 году он написал Полю Ланжевену (французский физик 1872-1946), чтобы предложить ему создать «Музей человеческого стыда». После войны его проекты мира и справедливости во всем мире умножились(23). Предложения рассылаются деятелям юридического мира, организациям по защите прав человека, ученым, политикам... Президент США

Эйзенхауэр отвечает, что он «с интересом ознакомился» с таким проектом, ООН поясняет, что может действовать только с согласия правительств стран-членов, сотрудник Высшего института международных исследований считает идеи интересными, но «совершенно химерическими», международная ассоциация сопротивления войне «работает в том же направлении». Некоторые соблазнены идеями Энгельсона, не зная, как его поддержать. Так, Сорокин(24), основатель «Исследовательского центра творческого альтруизма» при Гарвардском университете, опубликовал несколько проектов Мойзе на английском языке в анналах своего факультета. Но они будут иметь не более конкретных результатов, чем «творческий альтруизм» Сорокина. Среди забот Мойзе особое место занимает вопрос о еврейском государстве. У него мистическое видение того, каким должен быть Израиль и его столица Иерусалим: мировым центром духовности, культуры и мира, образцом нравственности, наделенным международным судом, страной, которая сияет в мире благодаря событиям на такие темы, как «Человеческие заслуги», «Новое образование», «Любовь к ближнему». Чтобы символизировать это возрождение, необходимо было бы перестроить Храм, чтобы сделать его «Центром духовного изучения», призванием которого было бы выявить связи между различными верованиями и их общие основы. Мойзе звонит, устанавливает контакты, совершает две поездки в Израиль в надежде сплотить политиков и интеллектуалов в соответствии со своим видением.

Мартин Бубер поддерживает его. Профессор социальной философии Еврейского университета в Иерусалиме, он работает над улучшением взаимопонимания между израильянами и арабами и выступает за создание двунационального и демократического государства. Опубликовав в 1946 году «Пути утопии», неудивительно, что Бубер принял участие в проекте Мирового Духовного Центра в Иерусалиме. Бубер работает над ним как с точки зрения идеи, так и с точки зрения реализации. В апреле 1951 года он смог объявить Мойзе : «Я хочу сообщить вам, что проект, о котором мы говорили и говорили снова, похоже, имеет хорошие шансы на реализацию». Но первоначальная идея, кажется, претерпела сдвиг: изучение связей «между историческими религиями» становится изучением связей «между иудаизмом и другими религиями». В любом случае, проект не будет реализован. С другой стороны, политики приветствуют эту идею с осторожностью: «Президент Израиля г-н Ицхак Бен-Цви поручает мне подтвердить получение вашего любезного письма от 5 мая 1953 года и выразить искреннюю благодарность за ваши интересные предложения. . . " С каждым конфликтом между Израилем и его соседями Мойзе придумывает новые политико-духовные решения для мира во всем мире. После войны 1967 года он предложил Государству Израиль обратиться к ООН с просьбой превратить Синай «в землю всех наций, землю всеобщего мира, землю приветствия для пацифистов всех рас и всех религий, где единственным присутствующим критерием будет Воля к Справедливости, к Морали. Средства, необходимые для создания такой человеческой Республики, могли бы быть выделены ООН, или даже крупными меценатами. Из военных бюджетов Израиля и Объединенной Арабской Республики могли бы быть выделены Возможно, в таком эксперименте Человечества участвовали бы и США...» Ответ Министерства иностранных дел: «Ваш проект, безусловно, интересен, но правительству трудно отстаивать такой революционный проект, пока не подготовлена почва в мировом политическом мнении (...) идея ваша на уровне публикации в

серьезном журнале и вам предстоит еще сделать её такой чтоб её распространяли другие.».

Даже если результаты его усилий далеки от уровня вложенной решимости и упрямства, Мойзе не сдаётся. Он верит в объективность науки, в честность ученых, в силу их Учреждения. Вместе с небольшим кругом швейцарских, французских и бельгийских интеллектуалов он создал два междисциплинарных журнала:

* “Les Cahiers internationales de symbolisme”, задачей которого является выявление общих основ основных течений интеллектуальной и мистической мысли. Ставится задача изучения символа как междисциплинарного объекта, выяснения характера его связей с точными науками, науками о человеке, традицией, искусством, религиями. Публикации первого номера этих журналов предшествует конгресс, организованный ЮНЕСКО. Наиболее известными участниками являются Гастон Башляр, Поль Рикёр и Раймонд Абеллио;

* “Университетское обозрение развития нравственных наук”, призвание которого состоит в том, чтобы установить научные основы честного, объективного, рационального правосудия, чтобы нравственность больше не рассматривалась как «слуга», которой кто-то возлагает задачи по своему усмотрению, но напротив, как Высший Принцип, которым нужно вдохновляться и которому нужно ПОДЧИНЯТЬСЯ. Перспектива заключалась в том, чтобы «начать изучать и преподавать нравственные науки как науки, полностью независимые от религий, привычек и обычаев века». Стержнем этого обзора является Фердинанд Гонсет, математик, профессор Швейцарского федерального технологического института в Цюрихе, с юности занимавшийся вопросами взаимосвязи науки и философии.

В этом предприятии Моизу помогает Клэр Лежен, которая через несколько лет возьмет на себя единоличное управление. В течение нескольких лет она финансировала оба журнала из собственных средств. После запуска Мойзе теряет к ним интерес, утверждая, что они ему не по силам и что он больше ничего не понимает. Впоследствии они перейдут к Университету Монса, где Клэр Лежен сделала себе имя. Переименованный в Réseaux, журнал моральных наук стал «междисциплинарным журналом моральной и политической философии, который предлагает подходить к аксиологическим проблемам путем постоянного сопоставления человеческого опыта, приобретенного в самых разных областях».

Субъекты возмущения каждый раз провоцируют новые идеи и предложения.

Например, это письмо к Le Canard Enchaîné, датированное 1968 годом: «В настоящее время мне кажется неотложным вылететь на помощь интеллигенции коммунистических стран (в частности, Польши и Чехословакии), и самые лучшие, самые действенные средства, не будет ли устроить в Париже большую противоречивую дискуссию под названием (например) «Мораль и справедливость», или «Мораль и политика», или «Мораль и истина», или «Политика и истина» и т. д. (...) Почему бы Канарду[?] не осуществить это примирение социализма и свободы самой?»

Жану Винсенту, адвокату, коммунисту, члену Большого совета Швейцарии: «Вчера вечером по радио и телевидению я восхищался вашей позицией, занятой перед лицом "Чехословацкого дела". Это дело честного человека, истинного коммуниста. (...) Не могли ли великие коммунистические вожди попытаться выработать общий подход в Москве, чтобы объяснить СССР, что коммунистическая вера есть вечная революция — а не непримиримая реакция...»

В 1973 г., в *Nouvel Observateur*: «Я думаю, что мы должны срочно созвать международный коллоквиум юристов, который рассмотрел бы строго юридическими методами вопрос о происхождении и ответственности войны во Вьетнаме. Можно задать второстепенный вопрос: «Есть ли в случае войны во Вьетнаме события, которые можно было бы квалифицировать как военные преступления?»

1977: опубликовано в «*Ле Монд*» обращение к созданию Музея совести — возобновление «Музей человеческого позора», задуманный тридцатью годами ранее.

1983 год: по швейцарскому радио после программы об Израиле: «В то время как он должен был сосредоточить всю свою волю на своем Воскресении как посланник Божественного Слова, Израиль, напротив, возжелал политические и военные силы, которые в настоящее время привели к гнусному позору, совершенному в Сабре и Шатиле».

Реакции Мойзе также касаются работ, шоу, произведений искусства, которые дают так много возможностей подумать, написать, поделиться, а иногда и обогатиться новыми отношениями. Примером может служить его переписка с мимом Марселем Марсо. "25 сентября 1975 года. Полночь. Дорогой Марсель Марсо, я только что видел вашу программу по телевизору. Одна из самых красивых передач в моей жизни. Саммит? Для меня это пантомима птиц. Ваш дом на нашей Земле "Вершина Горы ЧЕЛОВЕЧЕСТВО. Но в Птицах вы парите еще выше... к Бесконечности. С вершины Пирамиды Гизы - к ее символическому запределью. Вы это очень сознательно знаете сами - то же самое. В конце этой Пантомимы Птиц - твой Взгляд с трудом возвращался на Землю... Знак Гения. Рад снова тебя видеть! С уважением, сердцем и разумом."

А затем куча записок, адресованных друзьям или служащих простым напоминанием: «Мне приходит в голову ослепительная мысль: Мефисто, найдя жестокость своих демонов в аду недостаточной, отправляет их на землю, чтобы они завершили свое обучение... уже мое открытие кажется мне глупым. И так..." "Одни знают слова, но не их значение - другие знают Смысл, не зная слов. Мойзе ". «Вершина жизни = дар себя».

Таков был наш отец: кипящий духом, прозорливый, никогда не смирившийся, способный на великие дела по спасению человечества, на жертвы и великодушие, и никогда не смирявшийся. В то же время в быту он мог быть обаятельным и обаятельным, но для тех, кто встречался с ним ежедневно, часто оказывался невозможным, полным противоречий. Сам он в юности признавался, что был «легко раздражительным, сводящим с ума, внушаемым» и лицемерным. Он был хорошим графологом... По словам женщин в его жизни, иногда он мог быть щедрым, но иногда мелочным и эгоистичным. «Он думает, что платить — это давать; как нам могут

платить за то, что мы отдаем сами? «Он мечтает о мире в мире и теперь рядом с ним, где было бы так легко сделать усилие, которого он не делает».

По словам его детей, он был человеком с непростым характером «Мой папа такой, если с ним не соглашаться, он думает, что ты его ненавидишь, он увлекается громкими речами, которые, по-моему, не такие уж и короткие». ". Когда в детстве он ругал нас - часто за мелочи, или когда упрекал нас в том, что мы не встали на его сторону в его супружеских спорах, он сравнивал нас с Гитлером, Сталиным или Муссолини, потому что мы, как и они, попирали нравственность, справедливость, правда... Под конец жизни, пригвожденный к креслу, он сказал мне однажды, может быть, не очень в это веря, что, взирая на все обстоятельства, подобно герою пьесы Ибсена "Утка-дикарь", он хотел сделать добро вокруг него, но успел только вызвать бедствия...

Встревоженная, я не знала, что сказать... В юности образ этого отца с непредсказуемыми реакциями мешал нам восхищаться борцом, не лишенным идей, считавшим, что «Жить без надежды — значит перестать жить» (Достоевский), что «кто не надеется, тот не встретит неожиданного» (Гераклит) и что «сегодняшние утопии — завтрашние реальности». (Фридрих фон Хайек) Он изо всех сил работал на армию рыцарей, чтобы победить армию девятиголовых драконов, и на то, чтобы щедрые, справедливые и добрые князья заставили черные знаки превратиться в белые знаки, даже против их воли .

4. Возвращение в Ригу

После периода независимости после Первой мировой войны страны Балтии были оккупированы советскими войсками. Когда 22 июня 1941 года немецкая армия вторглась в Советский Союз, в Латвии начался Холокост. Шмуэль опережает убийц, выбросившись из окна 4-го этажа своего дома на улице Барона. Все остальные члены семьи, жившие в этом доме, были убиты: Фейга Энгельсон, Исраэль Энгельсон, его жена Голда и их дочь Евгения, а также Либа Энгельсон были среди 25 000 евреев, убитых в Румбуле (25), лесу под Ригой. Единственными, кто избежал резни, были те, кто, вольно или невольно, отсутствовал: Таубе Энгельсон и ее муж Соломон Шац, потому что они были сосланы в Сибирь; их сын Давид Шац и его жена Вера служили в армии на Восточном фронте. Леопольд Энгельсон и Эсфирь Музыкантс, едва успевшие на последний поезд с Рижского вокзала, со своими детьми, старший из которых, Екаб, выжил. Что касается Берты, старшей сестры нашего отца, то она должна была быть или в Сибири, или где-нибудь на Востоке, или в Москве. В послевоенный период, когда Мойзе поручил Красному Кресту провести расследование, чтобы найти членов его семьи, оставшихся в СССР, расследования ни к чему не привели — отсюда он сделал вывод, что **никто** не избежал чисток, войны и резни.

С другой стороны, в Соединенных Штатах Мойзе находит двоюродных братьев, которые являются потомками Менахема Мотта, -- младшего брата Якова, -- эмигрировавшего в Бруклин в начале века. Легенда о происхождении имени служила подтверждением того, что семейная связь действительно реальна. В 1990-х годах, когда Латвия вновь обрела независимость, новое правительство приняло решение вернуть потомкам бывших владельцев здания, национализированные в советское

время. Затем Виктор Шац и Вадим Энгельсон, потомки Шмуэля, проводят исторические и генеалогические исследования, чтобы отстоять свои права на здания на улице Барона. Так они узнали о существовании семьи Энгельсонов в Женеве и связались с нашим братом Борисом, единственным, кто до сих пор носит ЭТУ фамилию среди потомков Якова. Затем мы обнаруживаем, что, вопреки нашим представлениям, члены семьи нашего отца, оставшиеся по другую сторону железного занавеса, пережили катастрофы. В своих генеалогических изысканиях Виктор и Вадим вернулись в середину 18 века, во времена нашего общего предка Ицига (см. генеалогическое древо). Они также нашли следы Якова и Шмуэля в реестрах различных городов, где прошли проживали предки. Наконец, им удалось установить проверенные исторические факты, которые легли в основу семейной легенды о происхождении нашего имени.

В июле 2007 года моя сестра Эдит, мой брат Борис и я отправились в Ригу, чтобы встретиться с потомками немногих выживших. Наш троюродный брат Виктор Шац и его жена Ирина приветствовали нас в своем доме в семейном доме на улице Барона. Мы собрались под окном, из которого выпрыгнул Шмуэль, и перед памятной доской, поставленной Виктором в подъезде. Мы любовались видом на парк, засаженный каштанами, о котором нам рассказывала тетя Сюзанна. Виктор и Ирина провели нас по следам Якова и Шмуэля и по местам памяти еврейской общины: мы увидели дом, в котором жили два брата, на юго-восточной окраине Риги, остатки сгоревшей синагоги, еврейское кладбище, превращенное в парк развлечений, мемориал Холокоста в Румбуле, музей гетто, тюрьма, в которой сидел наш дядя Борис. По всей стране мы посетили другие еврейские кладбища и мемориалы, а также музей коммунистической эпохи, превращенный в тюрьму, с комиками, одетыми как охранники, которые предлагают вам симуляцию заключения на неделю, конец или неделю, по желанию. Пребывание платное.

В последний день мы поехали на дачу Виктора и Ирины, расположенную в Юрмале, на морском курорте вроде того, где наши бабушка и дедушка проводили лето. Таким образом, мы познакомились с настоящим и прошлым и смогли немного лучше представить себе историю этой семьи, которая несколько раз хотела изменить ход Истории.

В заключение этого путешествия во времени я бы сказала, что энергия, интеллект и упрямство, которые люди могут использовать для служения делу, идеалу, очень впечатляют... но то, что из этого может получиться, часто ужасает. Желая бороться за справедливость и свободу, Мовшак Шапиро, рискуя жизнью, помог наполеоновской армии переправиться через Березину. Результаты ? Бойня, разгром и, наконец, поражение. Борис Энгельсон, внес свой вклад в советскую революцию. Результаты ? Резня, чистки, депортации и, наконец, распад советского блока. За это будущее ли он отдал свою жизнь? Мойзе Энгельсон, он перевернул небо и землю, чтобы навести порядок в делах мира, чтобы разум и нравственность однажды управляли человеческим родом. Результаты ? Создание двух журналов, которые в настоящее время являются конфиденциальными и полностью отклонились от первоначального намерения. Меньшее зло... А мы, его дети, когда подошла наша очередь играть свою роль в «Дикой утке», что мы выбрали? Роль Идеалиста, который во имя правды вызывает бедствия? Что обычных людей, которые, чтобы иметь возможность придать

смысл своей жизни, находят убежище в воображаемых мирах? Или наблюдателя, который комментирует, не ставя под угрозу себя? Или мы перевернули страницу?

Марианна Энгельсон,
Париж - Женева, 2015

1 «Якоб Энгельсон — 14 апреля 1948 года» и «Эпос имени»

2 Альбом «Рига» и сайт Виктора Шаца

3 Зона проживания западный регион Российской империи, граничащий с центральноевропейскими державами, где евреи были размещены с 1791 по 1917 год. Крупные города в этом районе были исключены. Только ограниченному числу евреев разрешено жить за пределами зоны проживания. Жизнь в деревнях (местечках) из-за этого была трудна и мучительна. Для помощи населению сложилась система еврейских благотворительных организаций. Ассоциации обеспечивают одеждой бедных студентов, кошерной пищей солдат-евреев, завербованных в царскую армию, предоставляют бесплатную медицинскую помощь бедным, предлагают приданое и домашние подарки обездоленным женам и организуют техническое образование для сирот. Концентрация евреев в Зоне делала их легкой мишенью для погромов и антиеврейских беспорядков, которым часто помогало правительство. Хотя погромы продолжались на протяжении большей части существования Зоны, особенно смертоносные нападения в период с 1881 по 1883 год и с 1903 по 1906 год опустошили сотни деревень, убили тысячи евреев и причинили ущерб на сотни тысяч рублей. 4 См. Choffat T., Tornare AJ. Ла Березина – Швейцарцы и французы в суматохе 1812 г. Ред. Кабедита, 2012 г. 5 «Вторжение Наполеона I в область проживания в 1812 г. привело к правовым изменениям в польских регионах Империи, которые были упразднены после поражения Наполеона».

(http://fr.wikipedia.org/wiki/Histoire_des_Juifs_en_Russie)

6 См. Антисемитские погромы в России

http://fr.wikipedia.org/wiki/Pogroms_antis%C3%A9mites_en_Russie

7 Школа, где проводятся уроки, связанные с изучением Талмуд, основа еврейского права

8 См. в Google комментарии к книге «Душа жизни»

9 Яков Бен Малахи. Фрагмент учения «Встреча Восток-Запад» № 3, 1956

г. 10 В реестрах Даугавпилса около 1880-х гг. о двух братьях сообщается как о богатых бизнесменах, которые вносят вклад в альбом сионистского фонда «Рига»

11 Национализирован в 1940 году, здание будет возвращено потомкам Шмуэля после 1991 года (независимость Латвии)

12 Родился в 1867 году от Мейера Каменецкогои Марии Гуредич

13 У нас есть привилегия (?) иметь этого общего предка с Шимоном Пересом. Наша бабушка происходит от одной из ее дочерей, Хасы, вышедшей замуж за Мордехая Каменецкого, раввина в Лиде. Главный труд реб Хаима — «Нефеш ха-Хаим» («Душа жизни»), который до сих пор является справочной работой (см. Эммануэль Левинас).

14 См. Письмо Якоба к Берте.

15 Либертарианцы Идишляндии Жана-Марка Изрина, издания *Alternative Libertaire*,

16 Русская Швейцария Михаила Чичкина – изд. Фаярда

17 Бродячие собаки

18 (Исход 3.8) «Страна молока и меда» противостоит в стране страданий, побои, тяжкий труд и страдания.

19 См. "Женева, город революционных огней" Фредерика Квинтнера. В *l'Arche* от 20.11.2013

20 Семейные записи и распоряжения, контекст запроса о натурализации, поданного Сюзанной, у которой в то время был вид на жительство, известный как «разрешение беженца», выданный городом Женевой и связанный с нансеновским паспортом.

23 Для «Международной недели альтруизма», за «Всемирную организацию честных юристов», за публикацию отчетов и обзоров, которые заставят компании и политиков публично отвечать за свои действия; разработка «Новой декларации взаимных прав и обязанностей человека и государства», «Репрессивного кодекса преступлений против человечности», «Плана автоматического ограничения вооружений и открытия для конструктивных международных мирных действий». ...

24 См. Творческий альтруизм — это врожденная способность бескорыстно служить другим. Это понятие связано с творчеством, интуицией, эстетическим чувством и духовным пробуждением.

25 См. историю резни рижских евреев на http://en.wikipedia.org/wiki/Rumbula_massacre